

НАТУРАЛИЗАЦИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ НАУЧНОГО РЕАЛИЗМА. I. СКЕПТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ *

Данная работа представляет собой вторую часть исследования, посвященного анализу аргументации «за» и «против» научного реализма с точки зрения защищаемой доктрины научного реализма в контексте принятой версии натурализованной эпистемологии науки¹. Предположение, что научный реализм как метафизическая доктрина не подразумевает конкретного определения истины (М. Де-Витт), является основанием, позволяющим «по-новому взглянуть» на наиболее популярные в настоящее время аргументы «против» научного реализма: скептический аргумент, проблему недоопределенности теории данными (Л. Лаудан), проблему пессимистической (мета)индукции (Х. Патнэм), а также «поставить точку» в анализе роли абдуктивного вывода в аргументации в пользу научного реализма (Б. ван Фраассен). Предметом исследования *этой* части работы являются основания для выдвижения опровергаю-

щей аргументации. Наш тезис заключается в том, что абсолютизация семантической (эпистемологической) аргументации не может служить основанием для опровержения или выдвижения сомнений в достоверности утверждений «основного» – метафизического тезиса реализма.

Взгляд на реализм «без истины», как на эмпирическую гипотезу, диктуемую современной наукой, позволяет говорить о «новом» соотношении «классических» тезисов реализма (метафизического, эпистемологического и семантического), в связи с чем «перестраивается» аргументация, появляются дополнительные возможности ответа на критику. Абдуктивный вывод играет значительно меньшую роль в обосновании реализма, чем это предполагалось ранее, основное внимание следует уделять преодолению «селективного скептицизма» в отношении «ненаблюдаемого». Аргументы «от недоопределенности» и «от (мета)индукции» ограничены принятием основных посылок: тезисами «эмпирической эквивалентности» (Р. Бойд) и «онтологической элиминируемости» (Т. Кун), соответственно, и не способны достичь «своей цели», не способны опровергнуть реализм. Наконец, скептический аргумент как отражение фиксации на «пропасти» между данными органов чувств и объектом исследования является следствием априорной абсолютизации первичности эпистемологических (семантических) рассуждений по отношению к онтологическим. Современная «семантическая» интерпретация научного реализма не соответствует тезису натурализации и нередко ведет к возник-

* Работа выполнена при поддержке Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН–2006 (проект № 153). Статья представляет собой первую часть исследования аргументации «против научного реализма» с точки зрения защищаемого реализма «без истины», предполагается, что в журнале «Вестник НГУ. Серия: Философия» в 2007–2008 гг. выйдут статьи, посвященные анализу основных проблем реализма: проблеме недоопределенности теории данными; пессимистической (мета)индукции; «эпистемологического оправдания» существования «ненаблюдаемых» объектов, постулируемых научными теориями, и т. д.

¹ Первая часть исследования была посвящена анализу основного аргумента в пользу научного реализма – аргументу «от успешности» [Головки, 2006б]. Наша интерпретация процесса натурализации философии, а также понимание того, что такое эпистемология науки, были изложены ранее [Головки, 2006а; 2007а].

новению эпистемологических и семантических «парадоксов» (Т. Кун, Х. Патнэм, Р. Рорти, М. Даммитт).

Реализм и метафизика

Большинство современных доктрин, которые так или иначе можно соотносить с понятием «реализм», затрагивают либо напрямую основываются на освещении вопросов истинности или проблем указания (референции), шире – интерпретации научных теорий². Наиболее популярной трактовкой научного реализма остается следующая: *теоретические объекты устоявшихся, принятых научных теорий существуют (например, электроны и кривизна пространства-времени реальны), поскольку эти теории являются (приблизительно) истинными, где под истинной понимается «старая» корреспондентная теория – истина есть соответствие реальности*. На наш взгляд, в настоящее время подобный «семантический» взгляд на реализм (истинность теории «обеспечивает» существование объектов), во-первых, уже потерял актуальность, в частности, в контексте натурализации эпистемологии, а во-вторых, накопил большое количество «внутренних проблем» – достаточно вспомнить проблему референции [Головко, 2007б], для того, чтобы быть постоянным объектом для атак антиреалистов. Прежде чем перейти к аргументации, остановимся на том, какую трактовку основным тезисам реализма предлагает задать «новый» реализм – реализм «без истины».

Традиционно считается, что метафизический тезис реализма формально состоит из двух: *тезиса существования* (existence dimension), который говорит нам о том, что такие обыденные вещи, как деревья или объекты, постулируемые научными теориями (например, кварки), действительно существуют; и *тезиса независимости* (independence dimension), который утверждает, что они существуют независимо от нашего сознания. Естественно, с точки зрения противников реализма, наибольшие возражения вызывает последний. Предполагается, что внешние

объекты, например, «сконструированы» данными органов чувств и не являются такими уж независимыми от деятельности нашего сознания. В то же время можно привести, по крайней мере, два основания, почему именно тезис существования может быть крайне важен для доктрины реализма в целом. Во-первых, тезис существования *определяет* объекты, которые являются предметом обсуждения на уровне тезиса независимости. Это важно, поскольку именно таким образом происходит отделение «правильного» реализма от «слабого» реализма, «кантовского» по типу: что-то (вещь-в-себе) существует независимо от нас³. Эпистемологический тезис «правильного» реализма включает в себя «умеренный оптимизм»: настаивая на существовании объективной реальности, мы не должны говорить, что она непознаваема или «доступна нам целиком»; мир не соответствует имеющемуся знанию о нем или нашей способности указывать на объекты, манипулировать с ними, опираясь на «синтезирующую» способность сознания; мир не ограничен языковыми (теоретическими) схемами или тем, что мы в принципе можем принять на веру или способны будем открыть в будущем⁴. Отметим, что ряд достаточно известных и популярных в настоящее время философских концепций реальности не могут удовлетворить приведенным выше рассуждениям: феноменальный мир И. Канта, «верифицируемый» мир М. Даммитта, концепция «построенного» мира Н. Гудмэ-

² К числу наиболее известных изложений реализма, активно «использующих» роль семантической аргументации, можно отнести работы М. Хессе, К. Хукера, Д. Папино, Б. Элліса, Р. Бойда, С. Псиллоса, И. Ниинилуото, Л. Лаудана, Р. Миллера, Э. Фэйлса, Р. Дженнингса, К. Мэтьюсона, Ф. Китчера, Дж. Брауна, Х. Патнэма и др.

³ С точки зрения тезиса существования, например, следует признать и И. Канта и В. И. Ленина реалистами: предположение о существовании непознаваемой трансцендентной реальности вещи-в-себе и предположение о существовании объективной реальности в данном случае эквивалентны. Несмотря на то, что В. И. Ленин обоснованно отрицает необходимость отнесения диалектического материализма к реализму: «“наивное” убеждение человечества (в существовании объективной реальности) сознательно кладется материализмом в основу теории познания» [Ленин, 1976. С. 66], в то же время, «когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь-в-себе, то тут Кант материалист» [Там же. С. 206].

⁴ На наш взгляд, тезису существования соответствует «глубоко научное» эпистемологическое представление о том, что, например, изменение знания о реальности не может затрагивать саму реальность. Оттого, что Землю перестали считать плоской, что в свое время можно было считать хорошо обоснованным «научным фактом», сама Земля не изменилась.

на, внутренний реализм Х. Патнэма, «парадигмальный» мир Т. Куна, «дискурсивные» миры представителей структурализма и постструктурализма.

Во-вторых, тезис существования наиболее важен при обсуждении теоретических («ненаблюдаемых») объектов, постулируемых научными теориями (кварк, струна), – он *постулирует* их существование⁵. В данном случае традиционно возникает необходимость, по крайней мере, разделить утверждения о существовании объектов, доступных «непосредственному» наблюдению, обыденных объектов здравого смысла (*common-sense realism*) и «ненаблюдаемых» объектов, постулируемых научными теориями (*scientific realism*). Что касается соотношения эпистемологического тезиса и этой части метафизического тезиса, то, по нашему мнению, здесь оно связано с «тривиальными» представлениями об объективности и независимости «данных» нам объектов. Я вижу дерево не в силу предположения, что оно существует (вижу мир таким, как если бы дерево существовало), а потому, что дерево существует. Мир, данный нам в ощущениях, таков не в силу предположения, что атомы существуют, а потому, что атомы существуют⁶. Отметим, что по большей части эти построения выглядят «тривиальными» тогда, когда мы говорим об обыденных вещах (дерево), но как только мы переходим к обсуждению объектов, постулируемых научными теориями, вопрос о том, каким образом мы убеждаемся в их существовании, перестает быть тривиальным. Именно здесь кроется одна из причин того, почему реализм «не может избавиться» от истины, – мы полагаем, что «хорошие» научные теории истинны, следовательно, принимая истину как

соответствие, мы приходим к выводу, что, например, электроны существуют. В то же время существует возможность «избавиться» от истины.

По мнению М. Девитта, традиционная трактовка научного реализма является «незаконным проникновением» (*gratuitous intrusion*) метафизики в семантику: «Реализм не может опираться на какую-либо теорию истинности или значения. Соответственно, реализм не включает в себя представление о корреспондентной теории, равно как принятие корреспондентной теории никоим образом не “подталкивает” нас к реализму. Корреспондентная теория утверждает, что предложение истинно в силу структуры, т. е. отношений указания, связывающих части предложения и реальность, и самой реальности. Это требование совместимо с *любой* метафизикой. В силу “тезиса эквивалентности” мы можем использовать предикат “истина” для обозначения *любого* референциального отношения, связанного с данным предложением. Мы изначально используем представление об объективной реальности для того, чтобы предположить возможность проверить истинность или ложность предложения» [Devitt, 1997. P. 50–53]. Реализм «без истины» будет утверждать следующее: *большинство обыденных объектов здравого смысла и объектов, постулированных «хорошими» научными теориями, существуют независимо от сознания*. Последнее можно переформулировать: большинство обыденных и научных экзистенциальных утверждений являются объективно истинными, однако это не сделает реализм «более семантическим» и не будет означать «проникновение метафизики в семантику», поскольку мы не говорим об истине ничего конкретного, кроме требования удовлетворения тезису эквивалентности. Реализм в первую очередь является метафизической доктриной. С одной стороны, мы говорим о существовании объектов (электроны, протоны и нейтроны существуют), а с другой – о значении экзистенциальных утверждений (выполняются ли для предложения «атом состоит из ядра, состоящего из протонов и нейтронов, и электронных оболочек» условия истинности как соответствия?). Для того чтобы не допустить «незаконного проникновения метафизики» и адекватно проинтерпретировать вопрос: «является

⁵ Недостаток эмпирических данных для проверки обоснованности введения в науку новых абстракций, теоретических объектов, которые могут быть «ненаблюдаемыми» на современном уровне развития экспериментальной техники (струна), может вызывать сомнения в существовании удовлетворительных эпистемологических оснований обоснованности научного знания, описывающего наиболее фундаментальные уровни реальности.

⁶ По выражению Х. Патнэма: «Реалисты рассматривают науку “непроинтерпретированной” (at “face value”) – без какой-либо философской интерпретации» [Putnam, 1978. P. 37].

ли предложение истинным в смысле корреспондентной теории?», необходимо сначала постулировать существование объектов, о которых в предложении нечто утверждает, а затем ответить на вопрос: «выполняются ли условия соответствия?» (именно здесь мы обращаемся к корреспондентной теории). Только после выполнения этих двух условий мы можем сказать, что предложение «атом состоит из ядра, состоящего из протонов и нейтронов, и электронных оболочек» истинно в смысле истинности как соответствия.

Принципиально то, что предметы тезиса существования и корреспондентной теории – это различные вещи, и, соответственно, аргументы, нацеленные против данной семантической теории истинности или указания, нельзя рассматривать как аргументы против реализма в целом. Традиционно аргументация против реализма строится как аргумент «от эпистемологии», как развитие скептического аргумента: насколько можно доверять имеющимся данным, чтобы обоснованно говорить о существовании объектов, постулируемых теориями? На наш взгляд, аргументы «от семантики» также можно опровергнуть, указав на то, что они «начинаются не оттуда» (М. Девитт).

Скептический аргумент, здоровый смысл и натурализация

Знание относительно внешнего, окружающего нас мира является следствием анализа данных органов чувств, но насколько мы можем считать это знание обоснованным? Со времен Р. Декарта этот вопрос, в различных вариациях, является основанием скептического аргумента, основным вопросом эпистемологии. Фаундализм «в лице» сенсуализма Дж. Локка был опровергнут солипсизмом Дж. Беркли, «коперникианский переворот» И. Канта, хотя и был несомненным «шагом вперед», тем не менее обернулся одной из наиболее опасных форм антиреализма – конструктивизмом. Что можно противопоставить традиционным попыткам «опровергнуть» скептицизм? На наш взгляд, проблема скептического аргумента является следствием эпистемологических спекуляций относительно того, *что* мы можем знать и *как* мы можем знать это. Реализм «без истины» способен служить необходимым «онтологическим фундамен-

том» для ответа скептическому сомнению, по крайней мере, на уровне здравого смысла. Очевидно, что на уровне здравого смысла опыт ежедневного «общения» с вещами, опыт практической деятельности, является достаточным основанием для предположения о независимом существовании обыденных объектов, таких как дерево [Ленин, 1976]. Скептический аргумент «начинается не оттуда»: вместо того, чтобы использовать эпистемологические проблемы в качестве аргумента против реализма, возможно, необходимо использовать реализм как основание для опровержения скептицизма, «поставить на место телегу реализма» [Devitt, 1997]. Основанием скептического аргумента является *априорность эпистемологии*. Традиционно одним из модусов философствования, отрицающим априорность эпистемологии, является натурализация (У. Куайн). С точки зрения натурализации скептический аргумент не является «чем-то особенным», выделенным в эпистемологическом плане аргументом, – это лишь одна из многих «эмпирических гипотез» относительно окружающего мира. Он не является достаточным основанием для заключения относительно того, *какое* знание о мире нам доступно, и не является аргументом против реализма – у них разные основания аргументации. Натурализованная эпистемология сама по себе является эмпирической наукой (Л. Лаудан, Ф. Китчер), соответственно, вместо того чтобы рассматривать переход от априорной эпистемологии к априорной метафизике, предполагается, что мы можем перейти от эмпирически «обоснованной» метафизики, например, «онтологии окружающих вещей», являющейся основанием здравого смысла, и использовать ее как эмпирическое свидетельство, к эмпирическому же исследованию того, что мы можем знать и как. Таким образом, по крайней мере, на уровне здравого смысла переход от «эмпирической метафизики» к «эмпирической эпистемологии» делает реализм не опровергаемым в эпистемологическом плане. Здоровый смысл упорно «настаивает» на том, что горы и деревья существуют объективно. Выступая основанием «эмпирической метафизики», он является основанием опровержения или защиты от скептического аргумента против реализма, в рамках натурализованной «эмпири-

ческой эпистемологии»⁷. Аналогичным образом выглядят построения для опровержения аргументации «против» реализма «от семантики»: семантика, так же как и эпистемология, не является «подходящим основанием» для построения аргументации против реализма.

По аналогии с тем, как классическая традиция указывает на то, что мы ничего не можем достаточно обоснованно *знать* (know) относительно объективной реальности, можно рассматривать, например, М. Даммитта и Х. Патнэма, считающих, что мы не можем подобрать адекватное *отношение указания* (reference) на объект «внешней» реальности. Опровержение традиционной аргументации «против» реализма «от семантики» соответствует опровержению аргументации «от эпистемологии»: аргумент «против» реализма начинается с априорных рассуждений относительно того, какова природа значения и указания, какими им следует быть, и отсюда выводится, каким должен быть мир. С точки зрения перспективы натурализации философии в целом, этот шаг следует признать ошибочным. Необходимо рассуждать от «эмпирической метафизики» к «эмпирической семантике». Например, М. Даммитт выдвигает аргумент против реализма, суть которого сводится к тому, что на основе представления о языковой компетентности мы можем четко показать, каково значение термина: «Понимание говорящим утверждения S есть его способность продемонстрировать образ действий (behaviour), который приведет (brings) его к состоянию, в котором он осознает то, что делает, если все условия, обосновывающие S, выполняются. Условия, обосновывающие S, есть условия подтверждения (verificationist truth condition)» [Dummett, 1976]. Отметим, что рассуждения М. Даммитта относительно природы значения носят явный априорный характер! Аргумент основан на гипотезе, что языковая компетентность сама по себе

состоит в знании условий истинности. В то же время любая теория значения или языка является лишь одной из возможных гипотез, эмпирическое обоснование которых «недостаточно», в то время как реализм является «хорошей» эмпирической гипотезой. Более показателен пример Т. Куна. Как конструктивист Т. Кун утверждает, что «доступный» нам мир существует только по отношению к точке зрения принятых (парадигмальных) научных теорий. Предполагается, что Т. Кун пользуется аргументом пессимистической (мета)индукции: теории в прошлом постулировали объекты, от существования которых в настоящее время отказались (теплород), соответственно, с точки зрения теорий будущего, можно руководствоваться гипотезой, что тем теоретическим объектам, которые сейчас считаются несомненными (кварк), тоже будет «отказано в существовании». Почему признается, что мы отказали в существовании объектам теорий прошлого? На наш взгляд, Т. Кун допускает две «классические ошибки антиреалиста»: во-первых, имеется в виду, что отношение указания однозначно предполагает объект реальности, т. е. аргумент начинается с семантического предположения, что термины теории соотносятся с реальностью, а не с метафизического (онтологического) тезиса существования. Во-вторых, Т. Кун, как и М. Даммитт выше, использует дескриптивную теорию указания: указание зависит от «описаний», связанных с термином в рамках теории, термин указывает на то, что «схватывается описанием». Следовательно, допуская радикальную смену представлений о мире (смена парадигм), исходят из того, что «старое описание» не будет «схватывать» референт, т. е. термины «старых» теорий не имеют референтов [Kuhn, 1970]. Аргумент несостоятелен в силу того, что априорно предполагает семантическое отношение указания первичным по отношению к тезису существования⁸.

⁷ С точки зрения У. Куайна, единственным достаточно «устойчивым» источником знания являются единичные веры (singular beliefs) относительно данных непосредственному наблюдению объектов [Куайн, 2003]. Соответственно, натурализованный ответ скептическому аргументу можно представить себе как «новый фаундализм» на основании единичных вер, с той лишь разницей, что, во-первых, этот фаундализм не является попыткой ответа на «классический скептический аргумент» (в рамках натурализованных представлений на него ответить нельзя), во-вторых, мы должны отказаться от представления о том, что доступное нам знание не подвержено «пересмотру».

⁸ Стремление «поставить семантику вперед метафизики» также приводит к «странным» представлениям о том, что «должен» утверждать реализм. Например, Х. Патнэм уверяет, что реалист является сторонником «Божественного Взгляда» (God's Eye View) на мир, частью которого является «предзаданность» (ready-made) мира [Putnam, 1981]. Р. Рорти говорит о том, что реализм способен, «выйдя за пределы себя» (speaking the unspeakable) и обратившись к трансцендентному, оценить истинность теории [Rorty, 1982]. Ничего подобного реализм не утверждает, предполагается, что мы можем оценить истинность теории перед лицом реальности, природа которой не зависит от нас или наших теорий.

На наш взгляд, все эти примеры являются следствием приведенного выше скептического аргумента. Скептический аргумент неопровержим, если «телега эпистемологии (семантики) стоит впереди лошади реализма». Натурализация дает возможность рассуждать «от науки», «доверяя» постулируемым объектам, которые уже «хорошо зарекомендовали» себя в научной практике. С точки зрения натурализации отношение между нашим сознанием и реальностью не является в когнитивном плане более значимым, чем любые другие отношения. Например, у нас может быть хорошая теория взаимодействия между двумя объектами (Солнце и Земля), и в то же время мы можем много рассуждать об особенностях наших эпистемических и семантических отношений с этими объектами. Однако «эмпирических оснований» предположить, что мы априорно должны начать с последних отношений, у нас нет. Скорее «хорошая» (эмпирически проверенная) теория гравитации будет являться более адекватным основанием для предположения, «как устроен мир». Именно наука дает «эмпирический ответ» на вопрос о существовании объектов реальности, она позволяет «не замечать пропасть» между данными органов чувств и объектом. Реализм как эмпирическая гипотеза, диктуемая современной наукой, дает возможность «поставить телегу эпистемологии (семантики) на место».

Отметим, что выше мы не останавливались на различных интерпретациях тезиса существования для обыденных «наблюдаемых» объектов и для «ненаблюдаемых», постулируемых научными теориями. В следующей нашей работе мы коснемся основных аргументов именно против научного реализма и убедимся, что принятие натурализации и представления о первичности метафизического тезиса реализма также являются основанием для их опровержения.

Список литературы

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и «возвращение психологии»: проблема мотивации // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006а (в печати).

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. Т. 4, вып. 2. Новосибирск, 2006б. С. 51–57.

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии: Т. Кун и У.В.О. Куайн против априоризма // Гуманитарные науки в Сибири. 2007а. № 1 (в печати).

Головко Н. В. Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки. I: Преодоление логицизма // Философия науки. 2007б. № 32 (в печати).

Куайн У. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1976. Т. 18.

Devitt M. Realism and Truth. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.

Dummett M. What is a Theory of Meaning? // Truth and Meaning: Essays in Semantics / Ed. by G. Evans, J. McDowell. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 67–137.

Kuhn T. Reflections on My Critics // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. P. 231–278.

Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.

Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1982.

Материал поступил в редколлегию 12.12.2006